

АНАТОЛИЙ ИСАКОВИЧ ЛУРЬЕ: РАННИЕ ГОДЫ

К. А. Лурье

Аннотация

Нижеследующие записки были составлены мной в 1981–82 гг., вскоре после смерти отца. Материалом для них послужили рассказы родных, слышанные в разное время; много интересных сведений я обнаружил в старых номерах газеты "Политехник", хранящихся в Фундаментальной библиотеке ЛПИ. Кроме того, в бумагах отца оказался ряд документов, относящихся к ранним годам его деятельности.

Авторские оценки я старался свести к минимуму, хотя это было нелегко и, вероятно, не везде удалось. Современников излагаемых событий почти не осталось, но об их отношении к происходившему мы знаем из первых уст. Добавить к этому мне нечего.

«Анатолий, ты ведь столько помнишь и так хорошо рассказываешь, — напиши об этом!»

«К чёрту, Всеволод, к чёрту!»

Из разговора с другом

РОДИТЕЛИ. ДЕТСТВО

Анатолий Исакович Лурье родился 6 (19) июля 1901 года в г. Могилёве-на-Днепре. Он был пятым ребенком, долгожданным сыном в семье, где до него рождались одни дочери¹. Старшая из сестёр, Софья Исаковна, была старше брата на десять лет, младшая — Изабелла Исаковна — на три года.

Отец — Исаак Анатольевич Лурье — прожил долгую трудовую жизнь. Он родился в 1864 году в Могилёве, в многодетной семье мелкого подрядчика. Потеряв отца в восьмилетнем возрасте, Исаак Анатольевич остался на попечение братьев, из которых особенно близок ему был брат Яков, ставший впоследствии известным врачом-окулистом. Яков Анатольевич был человеком блестящих, разносторонних способностей, прекрасно владел несколькими языками и увлекался философией и историей. Будучи юношей, почти мальчиком, он взял на себя заботы по воспитанию младшего брата и следил за его образованием, иногда пуская в ход и кулаки. Сначала

¹Рассказывали, что, узнав о рождении очередной девочки, отец плюнул с досады и вышел из комнаты.

Исаак был отдан в хедер, который быстро возненавидел. Мечта о поступлении в гимназию натолкнулась на препятствие материального характера: семья бедствовала после смерти отца. К счастью, оказалось, что в соседнем Шклове (в 30 верстах от Могилёва) можно поступить в гимназию "на казённый кошт" при условии отличной сдачи экзаменов. К экзаменам Исаак с помощью брата подготовился хорошо, но требовались деньги для поездки в Шклов. И здесь решение было найдено: в течение более чем трёх месяцев Исаак отказывал себе в обедах, откладывая ежедневно выдававшиеся ему для этой цели три копейки. Скопив таким образом три рубля, он нанял "балагулу" (еврейского извозчика) до Шклова, и там, отлично сдав вступительные экзамены, был принят на казённый кошт в гимназию. Правда, в течение этих трёх месяцев питаться ему пришлось одними лишь зелёными яблоками, вызвавшими в конце концов дизентерию; с тех пор он стал чрезвычайно осторожен и умерен в еде.

Начиная с 13 лет, Исаак Анатольевич стал содержать себя сам, давая уроки. Учился он прекрасно, и в 1887 году, окончив гимназию, поступил на медицинский факультет Харьковского Университета, который окончил в 1891 году со званием лекаря с отличием и уездного врача.

Сохранилась фотография Исаака Анатольевича, относящаяся к этому времени. Высокого роста, стройный, он стоит, опираясь на декоративную тумбу "фотографического заведения"; в его облике нет ещё легкой суровости, которую придавала ему опущенная впоследствии борода.

Фотография подарена Розалии Осиповне Гранат, ставшей вскоре женой Исаака Анатольевича. Этот брак был на редкость счастливым: Розалия Осиповна была безгранично преданным, любящим и самоотверженным человеком, твёрдой опорой мужу и детям в течение всей своей нелёгкой жизни.

Молодые супруги не имели никаких средств, кроме заработка Исаака Анатольевича, и Розалии Осиповне пришлось с самого начала взять на себя заботы по устройству семейного быта. Работа уездного, а затем земского врача, которую вёл Исаак Анатольевич, была нелёгкой и часто небезопасной. Холера, сифилис, трахома были обычными для того времени болезнями русской деревни. Приходилось много разъезжать, вести долгие приёмы больных, бывать на эпидемиях. С 1892 года по август 1893 года Исаак Анатольевич работал врачом Чауского уезда Могилёвской губернии; позднее, до конца этого года участвовал в борьбе с холерой в Могилёве. С 1894 года по 1898 год работал уездным врачом Быховского уезда Могилёвской губернии, а с 1898 по 1901 год служил земским врачом в сёлах Юрине и Троицком Васильсурского уезда Нижегородской губернии. В этом самом уезде он чуть не погиб, подвергшись нападению мужиков во время холерного бунта. В 1901 году семья возвращается в Могилёв в связи с тем, что Исаак Анатольевич вновь становится уездным врачом Чауского уезда. К этому времени 37-летний Исаак Анатольевич и 31-летняя Розалия Осиповна были родителями пятерых детей.

В начале 1904 года Исаак Анатольевич был призван на военную службу в связи с русско-японской войной. В чине штабс-капитана он провёл около двух лет в Чите и Харбине, работая в военных госпиталях. И там приходилось иметь дело с эпидемиями: однажды И.А. был отправлен во главе противочумного отряда для ликвидации возникшего очага чумы. Впоследствии он рассказывал, что во время этого похода приходилось видеть цели-

ком вымершие деревни.

Розалия Осиповна с детьми оставались в Могилёве. К этому периоду относятся первые воспоминания моего отца. Трёхлетний мальчик запомнил происходивший в городе еврейский погром.

Толпа черносотенных хулиганов с воплями "Бей жидов!" обходила дом за домом, избивая еврейские семьи и круша их убогое имущество. Всё происходило без открытого согласия, но при явном попустительстве полиции. Розалия Осиповна сумела спрятать детей в одной знакомой русской семье (это перемещение осталось в памяти отца), а сама отправилась к градоначальнику. В результате этого визита у дома был поставлен городской, но поздно: квартира была уже разграблена ².

Яков Анатольевич Лурье, находившийся в эти дни в Могилёве, ожидал погромщиков, занимаясь с маленькой дочкой французским языком; рядом с Я.А. лежал топор. Впоследствии Яков Анатольевич сделал много для разоблачения гнусных приготовлений к избиению евреев — распространявшихся в городе провокационных слухов о святотатствах и ритуальных убийствах. Он открыто выступил с обвинением могилёвской городской полиции в преступном попустительстве и подстрекательстве к погрому. Эти решительные и бесстрашные действия не остались без ответа: Я.А. Лурье был выслан на 5 лет в Архангельскую губернию, и от отбытия полного срока его избавил только манифест 17 октября.

В марте 1906 года Исаак Анатольевич вернулся с Дальнего Востока, награждённый, помимо пресловутой медали "Да вознесёт вас Господь в своё время", орденом Станислава "за отличную усердную службу". С этого момента началась его непрерывная врачебная деятельность в Могилёве, оборвавшаяся только в 1941 году в связи с войной.

Дни практикующего врача были заполнены напряжённой работой. С утра перед входом и в прихожей дома выстраивались длинные очереди больных, часто приезжавших издалека. В городе Исаак Анатольевич быстро приобрёл известность как превосходный терапевт-клиницист, никогда не ошибавшийся в диагнозе; со временем эта известность распространилась далеко за пределы Могилёва. Бедных пациентов-крестьян И.А. лечил бесплатно ³.

Практика была обширная; после ежедневного приёма Исаак Анатольевич посещал больных на дому, объезжая на извозчике различные районы города. Приходилось отпраиваться и за город; иногда в такие поездки

²Семья И.А. Лурье пострадала ещё сравнительно мало. "Досталось и отдельным лицам, попавшим в руки ватаги", — писала о событиях 9–10 октября 1904 года газета "Могилёвские ведомости". "Ватагой" был убит рабочий Лифшиц. Петербургская газета "Восход" так описывает события: "Т. били колом по голове, его мать, больная старуха Перла покрыла сына своим телом и умоляла буянов: "бейте меня, старуху, а сына оставьте!", и на её спине сломали кол. Она вся избита и изуродована. Её внучку, двухлетнюю девочку, хотели убить, "хоть одну ножку сломать", и мать её, молодая болезненная женщина... бросилась, как лвица, к ребёнку, желая спустить его через окно второго этажа; но тут подоспел знакомый плотник, работавший в том же доме и знавший все ходы и выходы, и подставил топор. Русская женщина, соседка Т. распростёрла под окном одеяло и закричала: "Бросьте сюда моего ребёнка! и спасла еврейское дитя...". И вновь "Могилёвские ведомости": "Следовало бы образумить этих бедных, тёмных людей... Надо ближе подойти к этим людям..., пожалеть и полюбить их и помолиться вместе с ними всенародною молитвою." (18. X. 1904).

³Примечательно, что и в 1977 году, т.е. 30 лет спустя после смерти Исаака Анатольевича, об этом рассказывали в Могилёве никогда не знавшие его люди.

брались младшие дети — Бетя (Изабелла) и Толя. Исаак Анатольевич выполнял также обязанности школьного санитарного врача и одновременно возглавлял терапевтическое отделение Могилёвской еврейской больницы.

Несколько суровый внешне, он был лишён "сантиментов" не только в общении с больными, но и по отношению к собственным детям. Изабелла Исаковна и Анатолий Исакович вспоминали, как ежегодно, осенью и весной, отец подвергал их многочисленным прививкам, часто болезненным, опасаясь губительных инфекционных заболеваний.

Жизнь семьи шла по заведённому порядку. Розалия Осиповна с помощью прислуги вела обширное домашнее хозяйство. Погреба дома были заполнены всякими запасами, которые постоянно возобновлялись. Розалия Осиповна сама ходила на рынок за покупками, сопровождаемая хромым чёрным пуделем Шариком, жившим в доме много лет. Однажды, когда Исаак Анатольевич и Розалия Осиповна отправились в городской театр (что случалось крайне редко), Шарик увязался за ними и дал о себе знать громким лаем во время спектакля.

Летом выезжали на дачу в близлежащие поселки: Чаусы, Печерск. Окрестности Могилёва очень живописны, и дети чувствовали себя там на воле. Ближайшим приятелем маленького Толи был его двоюродный брат Ионочка, сын Якова Анатольевича.

Исаак Анатольевич дачи не любил и часто не прекращал работу и летом: его отдых заключался в уходе за расположенными поблизости садом и огородом.

В доме постоянно бывали гости, обычно кто-нибудь из многочисленных братьев и сестёр Исаака Анатольевича. Брат Яков приходил почти каждый вечер к чаю и занимал постоянное, только ему принадлежавшее место за семейным столом. Происходили оживлённые разговоры, но случалось, что за целый вечер Яков Анатольевич не произносил ни единого слова.

Семья не была религиозна (И.А. ел на Пасху свинину с чёрным хлебом); Розалия Осиповна соблюдала, впрочем, некоторые ритуалы, и по её желанию к детям одно время ходил учитель, преподававший им основы еврейского языка и религии; это, однако, не оставило в их сознании никакого следа. Детей не "баловали", игрушек у них почти не было, но родители относились к ним с самозабвенной любовью, которая с годами становилась всё сильнее. Отношения между детьми были самые дружеские, но к маленькому Толечке сестры относились с особенной нежностью. Сестра Лена, бывшая шестью годами старше, бросалась с кулаками на всякого, кто пытался чем-нибудь его обидеть. По возрасту Толе ближе других была сестра Бетя, сохранившая до конца жизни глу-бокую привязанность к брату ⁴.

Сёстры подрастали и поступали в гимназию; в 1911 году настала очередь и Толи. Процентная норма, установленная при Александре III, ограничивала число еврейских детей, принимаемых в гимназию, поэтому нужно было особенно хорошо сдать вступительные экзамены. Была распространена система репетиторства; подготовкой к экзаменам на дому занимались и преподаватели гимназий.

"Еврейский мальчик должен в 4 года уметь читать", — говорил отец. И сам научился читать в этом возрасте. Читал он много и охотно, и к 10 годам писал абсолютно грамотно. Абсолютная грамотность - врождённое

⁴Изабелла Исаковна скончалась в 1973 году в возрасте 75 лет.

свойство, которое он унаследовал от матери и которым обладал в полной мере в течение всей жизни, с презрением отвергая полуграмотные нововведения вроде "согласно приказа" и "благодарность и признательность"⁵. Первые арифметические знания он также получил от матери, впоследствии занимался с репетитором, и к вступительным экзаменам в гимназии был хорошо подготовлен. Тем не менее, "для верности" решено было сдавать экзамены не в Могилёве, а в Москве, где преподавал в одной из гимназий старый друг и университетский товарищ Исаака Анатольевича Иван Петрович Силинич. И Розалия Осиповна отправилась с сыном в Москву.

Диктовка по русскому языку была написана отлично, но с арифметикой произошёл казус. Толя совершенно правильно решил предложенные задачи, но сопроводил своё решение пространным комментарием, занявшим чуть ли не целую тетрадку. Проверивший работу преподаватель был удивлён излишне подробным решением и поставил за работу тройку. Когда Розалия Осиповна узнала об этом и пришла за объяснениями, он воскликнул: "Что же Вы хотите, ведь Ваш сын получил удовлетворительную отметку? — "Да ведь он же еврей! — сказала она. "Что Вы говорите! Как же я раньше не догадался? — и огорчённый преподаватель тут же переделал тройку на пятёрку.

На сохранившейся фотографии первоклассник Толя Лурье изображён в гимназической форме: на пояском ремне укреплен вензель с буквами М.А.Г. — Могилёвская Александровская Гимназия.

Гимназия была основана в 1819 году, в период царствования Александра Первого; в 1919 году было отмечено её столетие, а в 1969 году — 150-летие. Состав преподавателей, по воспоминаниям отца, был очень сильный. Через 35-40 лет, когда мы с сестрой учились в школе, отец много рассказывал нам о своих гимназических учителях, а мы сравнивали их со своими школьниками; сравнение, как правило, было не в нашу пользу. Русский язык преподавал И.Н.Паливода, бывший одно время инспектором гимназии; немецкий язык — А.М.Розенберг, французский — Б.Ф.Кленце⁶.

Особенно тёплые воспоминания остались у отца о преподавателе истории И.Н. Дрейзине. Всё это были люди, прекрасно знавшие и любившие своё дело, относившиеся к ученикам с большим тактом и сознанием их человеческого достоинства. В гимназии, начиная с первого класса, не было обращения на "ты": невозможно было представить, чтобы кто-либо из преподавателей позволил себе нечто подобное⁷.

⁵Следующий эпизод, рассказанный однажды отцом, характеризует отношение людей, получивших гимназическое образование, к вопросу о грамотности. Вскоре после войны один молодой человек, назовём его Н., решил поступать в аспирантуру Ленинградского Политехнического Института. Как полагалось тогда, он заполнил анкету, и на вопрос об "участии в оппозициях" ответил: "не участвовал". Директор Института проф. П.Л. Калантаров, прочитав анкету, наотрез отказался принять Н. в аспирантуру. За Н. хлопотал ряд лиц, в их числе отец и Л.Г. Лойцянский, но П.Л. был непреклонен: "Но ведь он "не участвовал"

⁶Пишу это и думаю: вероятно, теперь (1982) я — единственный, кто знает это, как и то, что Паливоду звали Иван Николаевич, а Кленце — Бернард Федорович. В 1977 году, во время поездки в Могилёв (это был последний приезд отца в родной город) мы с родителями побывали в здании, где находилась Александровская гимназия; теперь там расположена средняя школа. В учительской нам любезно показали старые документы и фотографии, на которых отец узнал своих гимназических преподавателей, увидел их подписи.

⁷На протяжении всей жизни отец обращался на "ты" к очень ограниченному кругу

Из школьных лет часто запоминаются отдельные, совершенно незначительные эпизоды. Так, А.М. Розенберг, входя в класс, говорил: "Ну, а теперь, господа, будем писать и внимать!" Тогда кто-то из гимназистов спрашивал: "Александр Мартынович, а можно писать, но не внимать? (или "внимать, но не писать?")" Иногда ему же задавался вопрос: "Александр Мартынович, правда, что Вы — человек строгий, но справедливый?" В ответ раздавалось: "Oh, ja, Oh, ja!".

Директором был И.Н. Свирелин, по прозвищу "Лейба", преподававший латинский язык. Его уроки были скучными. Бывало, при переводе латинских авторов класс чувствовал затруднения, и тогда "Лейба" вызывал всех по списку. Дойдя до буквы "Л", он прекращал опрос, т.к. Толя Лурье спасал положение.

Учился он прекрасно, получая пятёрки по всем предметам. Четвёрки были редкостью, а тройки — событиями, которые запоминались надолго, некоторые — на всю жизнь. Так, в первом классе Толю вызвал преподаватель географии и попросил показать на карте остров. Толя нашёл едва заметное пятнышко где-то в середине Тихого Океана. "Покажите остров побольше", — попросил преподаватель. Указка остановилась на пятнышке рядом, немного покрупнее. "Ещё больше", — настаивал преподаватель. Тогда Толя показал Австралию... Потерявший терпение учитель поставил ему тройку, но с тех пор отец почему-то очень симпатизировал Австралии, считая её лучшим в мире островом.

Обстановка в классе была благополучной. У Толи появились гимназические приятели, из которых ближе других был Роня Рабинович⁸. Они нашли общий язык на почве увлечения шахматами;

Толя уже неплохо играл, тренируясь, в основном, с дядей Яковом, В классе, где в соответствии с процентной нормой было несколько учащихся-евреев, никогда не было антисемитских настроений или выпадов. Несмотря на то, что в программе занятий по русской литературе почётное место занимал "Тарас Бульба", а в самом "Тарасе" муссировались издевательские юдофобские сцены с жидом Янкелем, несмотря на проповедь русского великодержавия в "Тройке" с Чичиковым, — несмотря на всё это, преподаватели находили слова для того, чтобы отделить в сознании учащихся великого писателя от опьянённого чернилами черносотенца. Усилия имели успех: "Тарас Бульба" и "Мёртвые души" были среди любимых отцом произведений Гоголя.

Преподавание точных наук не оставило у отца ярких воспоминаний. На уроках физики, которые вёл Г.И. Сакер, решались бесконечные задачи о "калориметре с мешалочкой", внушавшие, по словам отца, "отвращение к предмету, сохранившееся на многие годы".

Этого Сакера отец часто вспоминал, когда сталкивался с неряшливостью некоторых физиков в изложении ясных вещей. Помню, когда я был студентом, у нас вместо заболевшего профессора Д.Н. Наследова, бывшего превосходным лектором, прочел несколько лекций по "общей" физике профессор Ч., автор ряда объёмистых монографий. В одной из лекций он,

людей, включавшему, кроме членов семьи (и то не всех!), лишь очень близких друзей, например, Льва Герасимовича Лойцянского, а в последние годы — Всеволода Ивановича Феодосьева. Вероятно, эта привычка была заложена ещё в гимназические годы.

⁸Отец иногда, смеясь, называл ещё "Яшку Беленького", но у меня нет уверенности, что это был приятель гимназических времён, а не более раннего детства.

выводя уравнение колебаний маятника, написал вместо синуса тангенс, но для малых углов получил, конечно, уравнение гармонических колебаний (примечательно, что впоследствии он оправдывал свой "вывод"этим обстоятельством.) "Типично "физическая"грязь", — сказал отец, узнав от меня об этом случае. Другой пример: как-то отец был приглашён вместе с рядом других лиц к А.Ф.Иоффе; Абрам Федорович говорил о какой-то задаче, связанной с колебаниями балки, упоминая о распространяющихся по балке туда и обратно волнах. Когда отец заметил, что волн в балке не бывает, А.Ф. посмотрел на него как на сумасшедшего.

Вернусь к гимназическим годам. Вскоре после начала войны в Могилёве образовалась Ставка Верховного Главнокомандующего. Город наполнился высшими штабными и свитскими чинами, губернаторский дворец на высоком берегу Днепра стал резиденцией царя.

Исаак Анатольевич был привлечён к работе в воинском присутствии для аттестации призываемых в армию. Один из новобранцев, еврей по национальности, был признан им негодным к военной службе. Присутствовавший член призывной комиссии полковник Бекаревич позволил себе антисемитскую выходку, заявив, что "жиды и здесь друг друга выгораживают". Тогда И.А., недолго думая, тут же, в присутствии дал Бекаревичу пощёчину. Дело могло кончиться плохо: Исааку Анатольевичу, бывшему в чине подполковника, грозил военный суд. Положение спасла Розалия Осиповна, отправившаяся к губернатору и отстоявшая мужа. Надо сказать, что подобные случаи больше не повторялись: к Исааку Анатольевичу люди относились с большим уважением. Но сам этот эпизод остался в памяти детей, восхищённых поведением отца, защитившего своё человеческое достоинство. "Так должен был поступить всякий порядочный человек", — говорил отец много лет спустя.

Как должны поступать порядочные люди — об этом отец узнавал не только из жизни, но и из книг. В этот период формировались его литературные вкусы. Кроме Гоголя, любимым писателем отца был Чехов, поражавший краткостью, ёмкостью и выразительностью своих рассказов, и, конечно, Лев Толстой. Как-то перед гимназическим экзаменом отец провёл бессонную ночь, будучи не в силах оторваться от чтения "Анны Карениной". "Войну и мир"он прочёл ещё раньше, перечитывал этот великий роман много раз впоследствии и почти наизусть знал отдельные отрывки. Такие сцены, как приезд Балашова к Наполеону или разговоры старого князя Болконского с княжной Марьей он с восхищением вспоминал всю жизнь. Платона Каратаева не любил, но сцену смерти Пети Ростова не мог перечитывать: откладывал книгу в сторону, взволнованный до глубины души. Любовь отца к творчеству Толстого не ограничивалась романами. Он много раз с наслаждением читал и перечитывал "Хаджи-Мурат", считая эту повесть (написанную, когда автор был глубоким стариком) лучшей вещью Толстого; огромное впечатление производило на него проникновеннейшее создание писателя — "Смерть Ивана Ильича". О рассказе "Кавказский пленник"отец говорил, что, по его мнению, ничего лучшего не было написано на русском языке. Он восхищался "Азбукой"Толстого, но такие нравоучения-рассказы, как "Много ли человеку земли нужно"или "Алёша Горшок"считал пустяками, недостойными великого писателя.

К Достоевскому отец относился иначе. Выше всего ставил он "Братьев Карамазовых"с бесконечным по глубине проникновением автора в психоло-

гию своих героев. Восхищался речами защитника и обвинителя так же, как Порфирием Петровичем в "Преступлении и наказании". С другой стороны, стремление автора соединить всех действующих лиц в одной сцене, в одной комнате, тяжёлый груз длинных фраз и монологов, полное пренебрежение художественностью и краткостью языка, - всё это отталкивало отца. Быть может, на этом фоне так привлекала его скульптурная чёткость чеховских рассказов, из которых он особенно любил "Душечку".

Из поэтов отец больше всего любил Тютчева, часто цитировал его знаменитое стихотворение "Silentium!" Умонастроение, выраженное здесь автором ("Мысль изреченная есть ложь") всегда было близким отцу. "Убрать всё лишнее" было его неперменным требованием по отношению к любому тексту, а более всего по отношению к собственным работам. Характерно, что в них почти нет того, что называют "наводящими соображениями". Точность фактов выражает и убеждает больше, чем любые слова, — этому принципу отец следовал всю свою жизнь.

Другой поэт, вызывавший восхищение отца, — Сапа Чёрный. Стихотворение про Фарфурника — очень меткое и полное юмора — отец знал наизусть и часто цитировал, по разным поводам и всегда к месту.

Из иностранных авторов отец очень любил Диккенса, особенно те его романы, где героями являются дети, — "Крошка Доррит", "Давид Копперфильд", "Оливер Твист". "Сагу о Форсайтах" Голсуорси он перечитывал много раз, постоянно восхищаясь мастерством писателя, симпатизируя Сомсу, старому Джемсу Форсайту и отвергая Ирен. Когда по телевидению был показан великолепный английский фильм по этому роману, отец не пропустил ни одной серии, хотя к телевидению был более чем равнодушен. Его вообще привлекали большие романы-хроники, такие как "Будденброки" Томаса Манна и особенно "Семья Тибо", где Мартен дю Гар дал незабываемый образ Антуана Тибо — самоотверженного врача-труженика. Описание деятельности выдающихся людей-творцов всегда особенно привлекали отца. Поэтому он так любил Стефана Цвейга, воссоздавшего силой своего таланта грандиозную личность Магеллана. И тот же Цвейг воскресил перед читателями эпоху Великой французской революции и её мрачного гения — Жозефа Фуше. К фигуре этого создателя системы всеобщей полицейской слежки отец неоднократно обращался, заинтересованный психологией беспринципного дельца, одержимого жаждой власти.

В старших классах гимназии началось увлечение отца математикой. Сначала возник интерес к отдельным задачам, особенно геометрическим; если не удавалось их быстро решить, они воспринимались как вызов. В этом было, по-видимому, что-то вроде спортивного азарта, но вскоре началось самостоятельное чтение книг по математике, выходящих за пределы гимназической программы. Такие книги были доступны, многие из них выпускались популярным издательством "Mathesis". Исаак Анатольевич не отличался щедростью в отношении карманных расходов детей, и поэтому книги отец покупал на деньги, заработанные уроками, которых у него, особенно в старших классах гимназии, было довольно много. К концу гимназического периода отец самостоятельно изучил основы аналитической геометрии и дифференциального исчисления.

Вокруг бушевали события. Февральская революция была встречена восторженно: ненавистное самодержавие было свергнуто в течение недели. Город превратился в почти непрерывный митинг, в котором участвовали все,

включая гимназистов. Больше всего было ораторов- солдат. Армия разваливалась, и этот процесс принял массовый характер к осени 1917 года. Вскоре после Октябрьского восстания в Могилёв прибыл отряд вооружённых матросов во главе с Н.В.Крыленко, чтобы занять Ставку и сместить главковерха Н.Н.Духонина. Духонин был убит матросами на могилёвском вокзале.

В августе 1917 года умер Яков Анатольевич, заразившийся неизлечимой болезнью, оперируя больного трахомой пациента. В день его похорон собралась большая толпа; процессия двигалась к еврейскому кладбищу мимо здания Ставки, где находился в это время генерал М.Д.Бонч-Бруевич. В своих мемуарах он пишет, что шум на улице испугал его и находившихся в комнате вместе с ним офицеров; выйдя из здания, они узнали, что "местные евреи хоронят своего раввина".

Вскоре город был оккупирован. Сначала его заняли польские легионеры (корпус Довбор-Мусницкого), а потом, по дополнительным статьям Брестского договора, — немцы. Граница проходила по Днепру: левобережная часть города — Лупполово — была в руках Красной Армии. Немцы в городе вели себя корректно, хотя налицо уже были признаки разложения армии. Солдаты целыми днями торговали, стараясь раздобыть продукты и послать их домой, в голодающую Германию. Занятия в гимназии продолжались до осени 1918 года, когда всем учащимся восьмого класса были досрочно выданы аттестаты зрелости. Отец окончил гимназию с золотой медалью, хотя самой медали так и не получил.

Пути одноклассников почти сразу же разошлись. Многие оказались на гражданской войне, на различных фронтах. Большинство отправилось к белым, на Дон.

Роня Рабинович, давнишний приятель отца, уехал в Палестину. Почти никого из бывших одноклассников отец впоследствии не встречал и ничего не знал об их судьбе.

ГОДЫ УЧЕНИЯ

В ноябре 1918 года Могилёв вновь был занят красными, и в городе установилась советская власть. В стране шла гражданская война, вокруг было разорение, на железных дорогах был полный беспорядок, свирепствовали болезни. Исаак Анатольевич работал в больнице на эпидемии тифа (где, по его собственным словам, больные "выздоровливали, как мухи"). В этих условиях нечего было и думать о том, чтобы ехать куда-либо для продолжения образования, и отец поступил работать в только что организованный "наробраз" на должность библиотечного инструктора и члена комиссии по ликвидации неграмотности (в анкете он числился как "секретарь внешкольного отдела Отдела народного образования при уездно-городском Исполкоме"). Обязанностью его в наробразе было комплектование библиотек, составлявшихся из книжных фондов, реквизированных у помещиков Могилёвской губернии. Дело это было интересное, и отец занимался им с увлечением. В этот период в его "подчинении" находился Илья Николаевич Дрейзин, бывший учитель истории, преподававший отцу в гимназии и теперь служивший в наробразе. Отец на всю жизнь запомнил чувство неловкости, которое он испытывал к Илье Николаевичу, поставленный в

нелепое по отношению к нему положение начальника.

Работа с книгами интересовала отца. В это время он особенно много читал, главным образом, книги по математике и механике. Это были "Аналитическая геометрия" Андреева, "Cours d'Analyse" Жордана, "Рациональная механика" Аппеля и Доттевиля. Книги раздобывались в развалах на толкучке.

В этом же году отец прочёл "Капитал" Маркса и "Анти-Дюринг" Энгельса. Если первое оставило ощущение чего-то серьёзного, подкреплённого фактами, то второе произвело впечатление конспекта. Значительно позднее, когда приходилось изучать эти произведения, отец предпочитал изложение Маркса.

Работа в наробразе не могла продолжаться долго. Надо было думать о дальнейшем учении. К этому времени (1920 год) интересы отца ещё не определились окончательно, и он, не без некоторого влияния родных, решил стать горным инженером. Влияние исходило от дяди (брата Розалии Осиповны) Владимира Осиповича, который окончил Горный институт и долгие годы жил на Урале, в Екатеринбурге, работая в Пробирной Палатке и различных золотопромышленных компаниях. В результате осенью 1920 года отец поступил на геолого-разведочный факультет Уральского Горного института. Екатеринбург того времени был довольно большим (гораздо больше Могилёва), но вполне провинциальным городом. Отец стал жить у дяди, имевшего собственный дом на одной из центральных улиц (ныне улица Малышева). Этот дом я увидел в 1941 году, когда наша семья была эвакуирована в Свердловск и мы поселились сначала у вдовы Владимира Осиповича. В моих воспоминаниях — это рубленая, довольно большая изба (первая увиденная мной в жизни), с глухим забором и воротами, и с запахом старья внутри. Побывав в Свердловске ровно через 40 лет, я не нашёл и следа её, хотя место отыскал: там стоит огромный новый дом. Кто-то из местных жителей сказал мне, что избу незадолго до того снесли.

Занятия на геолого-разведочном факультете не удовлетворяли отца. Науки, преподававшиеся там, носили характер рецептов, обязательных для запоминания и исполнения. Исключение составляло маркшейдерское дело; к нему отец проявлял интерес, но этого, конечно, было недостаточно. Некоторое разнообразие вносила летняя геологическая практика, которую студенты проходили в окрестностях города⁹.

К концу второго года обучения отец решил, что с него хватит.

В 1923 году он перевёлся на физико-механический факультет Петроградского Политехнического Института. Факультет этот был основан в 1918 году академиком А.Ф.Иоффе и был единственным в то время центром физико-механического образования в стране. Его основание было крупнейшим событием; к преподаванию были привлечены виднейшие учёные, пользовавшиеся европейской известностью. Математику преподавали С.Н. Бернштейн, Я.Д. Тамаркин, А.А. Адамов, Н.М. Гюнтер, физику — А.Ф. Иоффе, Н.Н. Семёнов, Я.И. Френкель, Д.С. Рождественский, В.Р. Бурсиан, Ю.А. Крутков, механику — А.А. Фридман, И.В. Мещерский, Е.Л. Николаи. Благодаря интенсивным самостоятельным занятиям отец был хорошо

⁹Во время практики студенты общались со старателями, которых тогда на Урале было немало. На вопрос: "Ну, как тебе жилось, отец, при старой власти?" обычно следовал ответ: "Плохой был власть, говно был власть! Ну, а сейчас? — "Хуже, хуже говна!"

подготовлен, и ему для перевода пришлось сдать лишь несколько экзаменов. Поселился он неподалёку от Института, сняв комнату у хозяйки на тихой окраинной улице, носившей вычурное название "проспект Карла и Эмили".

С этого времени жизнь отца была связана с Политехническим Институтом, где он проработал без малого 60 лет, с небольшим (3 года) перерывом, связанным с войной. Студентов в те ранние годы на физико-механическом факультете было немного, но уровень преподавания был исключительно высоким. Отец так вспоминал это время: "Основное место занимала теоретическая физика, переживавшая тогда критические годы своего становления. Её преподавание было поручено Я.И. Френкелю, выдающемуся учёному и обаятельнейшему человеку. Было трудно уследить за его лекциями в особенности из-за того, что часто математическая сторона дела приносила в жертву призывам к физической интуиции. В ещё большей степени этим отличались занятия в семинаре А.Ф. Иоффе, посещение которых мне по молодости лет и недостатку ума представлялось скучной барщиной. Увлекало преподавание механики, которое было поручено А.А. Фридману. Потребовалось бы много места, чтобы описать разносторонность и богатство достижений этого скончавшегося всего в тридцатисемилетнем возрасте (в 1925 году) человека. Достаточно вспомнить, что, с одной стороны, ему принадлежит организация метеослужбы армии (в первой мировой войне), разработка первых таблиц бомбометания с аэроплана и создание первого у нас завода авиаприборов, а с другой, сделавшее эпоху исследование по гидромеханике сжимаемой жидкости и лишь через сорок лет оценённый труд по общему принципу относительности, лёгший в наши дни в основу теоретических построений астрофизики галактик.

Курс теоретической механики А.А. Фридмана последовательно строился на векторном исчислении — это у нас было тогда первым опытом (да и не только у нас); он отличался оригинальной и изящной обработкой деталей, приучал самостоятельно думать и не бояться собственных попыток исследования".

После смерти отца я обнаружил в его бумагах конспект лекций А.А. Фридмана по динамике точки (1923 г.) и по кинематике сплошной среды (1924 г.), вполне подтверждающий сказанное.

Сейчас, когда векторное изложение механики стало общепринятым, трудно поверить, какое сопротивление оно встречало в те годы, особенно у представителей старшего поколения. Даже такой выдающийся учёный, как А.Н. Крылов, называл векторный язык "экономией мела". Усилия А.А. Фридмана, не боявшегося инерции старых представлений, не пропали даром: введённая им методика победила и получила всеобщее распространение.

Преподавание А.А. Фридмана оставило глубокий след в памяти отца. Пожалуй, никого из своих учителей он не вспоминал с такой теплотой в течение всей жизни. Александр Александрович Фридман был исключительно яркой и глубокой личностью, человеком, полностью лишённым тщеславия и до конца преданным науке. Характерно его собственное отношение к своей работе по теории относительности, работе, заслужившей похвалу самого Эйнштейна и только недавно по-настоящему оценённой физиками. А.А. относился к ней как к одному из тех "забавных" примеров, когда удалось решить уравнения Эйнштейна в нестационарном случае. Это полуироническое отношение выразилось и в том, что начальный момент времени в задаче

о расширяющейся Вселенной А.А. в шутку назвал "моментом сотворения мира", за что спустя многие годы после смерти ему досталось от полуграмотных "критиков".

Обучение в те годы отличалось либерализмом: не было обязательного посещения лекций и не было экзаменационных сессий. Это давало возможность и предопределяло необходимость самостоятельного чтения книг. Книг на русском языке было мало, приходилось читать французские и немецкие, реже — английские руководства. Привычке самостоятельного чтения отец всегда придавал большое значение и считал, в частности, подготовку студента к экзамену по конспекту признаком лени и инертности мышления. Вот как отец вспоминал собственный опыт в этом отношении:

"Математически я уже к этому времени был подготовлен, успел изучить два тома Гурса и весь трёхтомник Аппеля. Имея ещё в запасе два тома "Учения об электрических и магнитных явлениях" И.И. Боргмана, я смело отправился на первую лекцию Якова Ильича (Я.И. Френкеля — Авт.) по электродинамике. К моему удивлению, оказалось, что в этой науке нет не только янтарной палочки и кошачьего меха, но даже и магнитных масс. Традиционное построение, начинающееся с электростатики, также было отвергнуто, и всё это было для меня трудным и непривычным, тем более, что на русском и доступном мне французском языках Яков Ильич ничего не мог предложить в духе своего оригинального курса (его собственная книга вышла лет на десять позже). В те годы не было и подходящего курса векторного исчисления (существовал "Векториальный анализ" Сомова, в котором, по существу, не было векторных операций), а сдавать экзамен по электродинамике было надо. Яков Ильич рекомендовал выйти из положения, изучив "Theorie der Elektrizitaet" Абрагама. Немецким я не очень владел, но в течение месяца сумел одолеть первый том. Пришёл к Я.И. "Что Вы прочли?" "Первый том Абрагама." — "А второй не читали?" — "Нет." — "Идите домой и прочтите." Пришлось подчиниться. Зато, когда, спустя месяц, я появился вновь, разговор был ещё короче. "Прочли второй том?" — "Да." — "Ну, дайте зачётную книжку."

В этом эпизоде ярко проявилась и требовательность Якова Ильича, и его доверие к людям; в данном случае он не ошибся: отец был не из тех, кто доверием злоупотреблял.

И далее отец вспоминает: "В те годы уже существовала, как мне представляется и сейчас, очень хорошая книга А.К. Тимирязева "Кинетическая теория газов". Но курс статистической механики, который мне не удалось слышать, т.к. он читался Я.И. в 1922 г., опять-таки ничего общего не имел с существовавшими традициями. Пришлось изучать этот курс по записям прошлогодних слушателей, так же, как и курс термодинамики. В последнем (прочитанном в 1922 г.) подробно обсуждалась знаменитая работа Каратеодори об основаниях термодинамики, и это было чрезвычайно ново для меня после скуки и головной боли от циклов и насыщенных паров." Как тут не вспомнить Сакера?

В июне 1925 года отец окончил физико-механический факультет со званием инженера-физика по специальности "механика", защитив дипломную работу на тему "Теория прямолинейно-направляющих механизмов". Эта работа была посвящена определению новых типов механизмов, дающих приближённо прямолинейное движение; с методической точки зрения она была оригинальной, т.к. решение задачи в ней было получено методами

теории функций комплексного переменного, ранее не находившими приложений к этим вопросам. Работа была опубликована в Журнале Прикладной Физики (т. 2, вып. 3–4, 1925).

После окончания Института отец был оставлен аспирантом при кафедре механики "по представлению доц. Л.Г. Лойцянского и проф. А.А.Фридмана"; аспирантуру он окончил в середине 1929 года.

Сохранился план работы отца в аспирантуре, составленный в начале 1927 года и его подробные отчёты о своих аспирантских занятиях.

Весь план разбивается на две части: 1) работа по дальнейшему изучению основ механических и математических дисциплин и 2) предполагаемая самостоятельная работа. Первая часть разбивается в свою очередь ещё на две рубрики: а) обязательная часть программы, б) её условная часть, выполнение которой будет связано с наличием времени.

1. Программа по изучению основных математических и механических дисциплин.

А) Обязательная часть

1) Математика. Основной задачей в этой области является дальнейшее овладение методами решения задач математической физики и изучение теории специальных функций, как-то: Бесселевых, шаровых, эллиптических и т.д. Основными пособиями, которыми предполагается пользоваться, будут ¹⁰:

(*) 1. Courant und Hilbert, Methoden der Mathematische Physik.

2. Weber, Riemann, Mises, Die partielle Differentialgleichungen.

(*) 3. Стеклов, Основные задачи математической физики.

4. Whittaker, Modern Analysis, p. II.

(*) 5. Lacour et Appell, Fonctions elliptiques.

6. Wangerin, Theorie des Potentials und Kugelfunktionen.

7. Bolza, Variationsrechnung.

(+)8. Крылов, Уравнения математической физики в приложениях к техническим задачам.

Изучение теории функций и теории конформного преобразования ввиду их фундаментального значения для задач прикладной математики должно по-прежнему остаться в числе моих задач. Настольным руководством будет и впредь служить книга:

(*) 9. Forsyth, Theory of Functions.

Помимо этих книг, посвящённых отдельным дисциплинам, в качестве общего руководства по анализу будут служить:

(+) 10. Goursat, Cours d'Analyse.

11. Picard, Traite d'Analyse.

2) Механика точки и твёрдого тела. Этот отдел моего плана можно считать в достаточной мере выполненным в течение прошлого года. Моей задачей будет поэтому лишь не терять связь с этими дисциплинами в течение следующих двух лет, на которые составляется план. Настольными руководствами будут и впредь служить:

¹⁰Звёздочкой (*) здесь и в дальнейшем обозначены книги, уже отчасти мне знакомые, а крестиком (+) — книги, уже основательно пройденные, но к которым придется возвращаться, как к руководящим сочинениям.

(*)12. Whittaker, Analytische Dynamik.

(*)13. Appell, Traite de mecanique, 3 тт.

Appell, Sur une forme generale des equations de la dynamique.

По гироскопам:

Grammel, Der Kreisel

или

Boulangier, Dynamique des corps tournants.

3) Прикладная механика. Я предполагаю здесь работать в двух направлениях:

а) Изучение литературы, появившейся в течение последних лет в Германии (Alt, Federhofer и др.) и относящейся к так наз. кинематическому синтезу. К сожалению, до сих пор мне не удалось этого сделать ввиду отсутствия полного комплекта Zeitschrift fuer Angewandte Mathematik und Mechanik в доступных мне библиотеках Ленинграда.

б) В области динамики машин я принуждён буду лишь ограничиться изучением реферата Mises'a из Enz. d. Math. Wissenschaften:

15. Mises, Die dynamische Probleme d. modernen Maschinenbau.

4) Основной и наиболее ответственной задачей предстоящих двух лет для меня явится изучение теории упругости. Не считая тех специальных монографий, с которыми мне придётся иметь дело в процессе самостоятельной работы, мне придётся в течение предстоящих двух лет детально проштудировать все основные результаты по этому предмету, а именно:

(+) (*) 16. Тимошенко, Курс теории упругости, ч.1 и 2.

(*) 17. Love, The mathematical theory of elasticity.

18. Clebsch-S.Venant, Theorie de l'elasticite des corps solides.

19. Mathieu, Theorie de l'elasticite.

Монографии, изучение которых может быть сейчас намечено:

(*) 20. Николаи, К теории упругой линии двойкой кривизны.

(+) 21. Колосов, Плоская задача теории упругости.

22. Фюрер, Drang und Zwang.

Обязательным ещё будет прочтение обзорной статьи Карман'a из Enz. d. Math. Wissenschaften:

23.v. Karman, Festigkeitsprobleme im Maschinenbau.

5,6) Образование механика было бы неполным, если бы в нём отсутствовала обширная область гидромеханики и теории потенциала. Поэтому одной из моих задач на предстоящее время является изучение книг:

24. Lamb, Hydrodynamics.

(+)25. Жуковский, Теоретические основы авиации.

(*) 26. Саткевич, Аэродинамика.

Кроме того, мне предстоит изучить классическое произведение

27. Boussinesq, Applications des potentials.

Наконец, в заключение этой части программы нужно ещё добавить, что одной из моих обязанностей будет и впредь следить за периодической литературой по прикладной математике и механике. Наиболее важным я считаю чтение журнала Zeitschrift fuer Angewandte Mathematik und Mechanik с попутным изучением статей, имеющих отношение к моей текущей работе.

7) Помимо перечисленных дисциплин прикладного характера, я считаю совершенно необходимым восполнить в течение предстоящих двух лет пробел в моих знаниях основ механики. В этом направлении я предполагаю изучение оснований теории относительности в связи с необходимыми вспомогательными математическими дисциплинами, т.е. тензорным анализом и геометрией многомерных пространств. Руководствами здесь мне послужат:

(*)28. Appell, Traite de mecanique, t. V.

(*)29. Фридман и Фредерикс, Основы тензорного исчисления.

30. R.Lagrange, Calcul differentiel absolu.

31. De-Donder, La gravifique einsteinienne.

Наконец, я считаю необходимым знакомство с современной квантовой или так называемой волновой механикой. Мне придётся здесь изучить книги:

(*)32. Born, Vorlesungen ueber Atommechanik.

(*)33. Schroedinger, Abhandlungen zur Wellenmechanik.

Помимо этого, придётся следить за журнальными статьями по вопросам волновой механики, но это может быть отнесено лишь к следующей программе.

Б) Условная часть

Ввиду значительного объёма первой части программы я не могу поставить в число моих обязательных заданий выполнение второй её части. Поэтому под рубрикой Б я перечисляю дисциплины, изучение которых будет обусловлено наличием времени.

1) Математика. Ознакомление с основами теории множеств и понятием об интеграле Лебега в связи с тем значением, которое оно приобретает в современных исследованиях по математической физике.

2) Механика твёрдого тела. Jacobi, Vorlesungen ueber Dynamik.

3) Прикладная механика. Изучение основного труда по динамике машин:

34. Tolle, Regelung der Kraftmaschinen.

4) Теория упругости. Всё, что относится к теории упругости, включено в обязательную часть программы.

5) Ознакомление с теорией турбулентного движения жидкости.

6) Основы механики. Изучение книги:

35. Eddington, Relativitaetstheorie.

Периодическая литература по волновой механике.

7) В число моих задач на предстоящее время я включаю ещё по крайней мере восстановление в памяти основ учения об электричестве, в частности, изучение книги:

36. Frenkel, Lehrbuch der Elektrodynamik.

2. Предполагаемая самостоятельная работа.

1) В пункте За 1-й части я указывал на необходимость собрать и изучить литературу по кинематическому синтезу. Это стоит в связи с необходимостью собрать мои самостоятельные

работы в этой области, относящиеся к прошлому году и оставшиеся в незаконченной форме до сих пор. Соединив собственные результаты с данными литературы, я предполагаю дать по этому вопросу работу преимущественно реферативного характера.

2) Мне предстоит ещё обработать собранный уже мною материал по вопросу о применении комплексного переменного к некоторым техническим задачам. Речь идёт о применении метода конформного преобразования Bieberbach'a к крылу аэроплана (работа Noendorf'a) и применении формулы Шварца-Кристоффеля для расчёта магнитного поля динамомашин и трансформатора (работы Carter'a и Bergmann'a).

Этот материал должен составить основу ещё одного реферата, к которому будут присоединены собственные расчёты по теории кручения по методу Bieberbach'a...

3) Основным моим заданием предстоящих двух лет является самостоятельная работа по теории упругости. Остановиться окончательно на той или иной теме я думаю, предварительно разработав несколько более или менее мелких заданий, каковым является, например, разрабатываемый мною сейчас, по предложению проф. Е.Л.Николаи, расчёт упругой линии тонкого стержня под действием сосредоточенного груза. К разработке же основной темы, которая собственно и должна явиться целью и результатом аспирантской работы, я не намерен приступать раньше следующего года...

План этот, датированный 15 февраля 1927 года, примечателен во многих отношениях. Прежде всего обращает на себя внимание широта интересов составителя, которому в этот момент было немногим более 25 лет. Уже здесь виден будущий учёный, интересы которого обнимают всю механику. Примечательно отчётливое понимание роли математических методов, этого необходимого инструмента всякого точного исследования. Одновременно бросается в глаза интерес к новым, нетрадиционным задачам, которые в то время были известны лишь немногим и только спустя годы овладели вниманием широких кругов: таковы задачи управления и устойчивости (ссылка на книгу Tolle), в исследовании которых отцу было суждено внести выдающийся вклад.

Нельзя не заметить и того, что, говоря о своих интересах в области теории упругости, отец подчёркивает намерение начать с "мелких заданий", т.е. с примеров, и лишь затем перейти к более общим вопросам. Этот стиль работы был свойственен ему на протяжении всей жизни: ни одно общее утверждение, а тем более ни одна гипотеза не существовали для него без примеров.

Есть ещё одна примечательная черта этого плана: объём работы, который им предусмотрен. Трудолюбие всегда было свойственно отцу, в семье его видели главным образом в одной и той же позе: с папиросой за письменным столом. Он с величайшим уважением относился к любому труду и ненавидел высокомерное отношение к труду других, проявляемое иногда даже весьма талантливыми людьми. Можно сказать, что он ставил труд впереди таланта. Характерный эпизод, относящийся к более позднему времени, весьма ярко передаёт эту черту отца. Известный учёный, автор широко

распространённого руководства в своей области, написанного в соавторстве с коллегой, попал в тяжёлую автомобильную аварию, в результате которой сильно пострадал и лишился возможности столь же активно работать, как прежде. Ему принадлежит высказывание о том, что в результате аварии он перестал быть тем, чем он был, но вот на ... (тут была названа фамилия коллеги-соавтора) его, мол, хватит... . "Вам жалко этого мерзавца? — спросил отец, когда услышал рассказ сотрудника об этой истории.

В плане, естественно, нет упоминания о педагогической деятельности отца, которая началась зимой 1926 года. В это время он руководил упражнениями по механике в одной из групп 1 курса физико-механического факультета. "Сначала", — вспоминал он позднее, — "почему-то ни одно решение не совпадало с ответом в задачнике Меццеского (И.В.Меццеский возглавлял в те годы кафедру механики — Авт.), но вскоре с этим было покончено, ответы стали сходиться, и, таким образом, удалось овладеть этой нехитрой наукой..." "Одновременно отец вёл упражнения по прикладной механике на 3 курсе физико-механического факультета и старался, поскольку позволяло время (2 часа в неделю), пользоваться для задач материалом технических журналов (Вестник Общества Технологов, Z. f. Angew. Math. u. Mech.).

Отец приводит в одном из своих отчётов высказывание опытного преподавателя института: "Первый год педагогической работы приносит сомнительную пользу студентам, но значительно большую — самому преподавателю... ". "Мне кажется", пишет он далее, "что мой небольшой личный опыт подтверждает эти слова."

Отец любил преподавание. Он говорил, что в каждой студенческой группе есть люди (пусть 1-2 человека), которые понимают (или способны понять) всё; среди них бывают такие, которые попадают раз в 5 лет, раз в 10 лет... Никогда во время экзаменов отец не запрещал пользоваться записями лекций, считая основным не знание, а понимание. Когда заходил об этом разговор, он любил повторять слова Клемансо, говорившего, что ему приходилось постоянно иметь дело с двумя людьми, из которых один всё знает, но ничего не понимает, а другой - ничего не знает, но зато всё понимает (имелись в виду Пуанкаре и Бриан). Конечно, определённый уровень знаний предполагался, но объём знания не мог скрыть недостаток понимания.

Педагогическая нагрузка отца значительно возросла в последующие годы, когда ему пришлось вести упражнения по математике и механике не только на ФМФ, но и на недавно созданном факультете индустриализации сельского хозяйства, а также руководить лабораторными занятиями по регулированию машин (курс проф. Е.Л.Николаи). Одновременно он вёл занятия по математике в группах так наз. "парттысячников" и "профтысячников" — лиц из числа старых партийных работников, готовившихся занять руководящие посты. Сохранилась фотография этой группы, снятой вместе с отцом, который выглядит юношей, почти мальчиком в окружении этих уже немолодых людей. По воспоминаниям отца, они отличались невероятным трудолюбием и упорством при почти полном отсутствии какой-либо предварительной подготовки. Всё же, ценой огромных усилий, чему-то их научить удалось. Отец сохранил тёплые воспоминания об этих людях, из которых почти никого он не встречал впоследствии: по-видимому, мало кому из них удалось пережить 1937 год.

Занятия со студентами занимали много времени: в 1928-29 гг. отец преподавал ещё в Институте инженеров путей сообщения. Приходилось вставать рано, в 6 час. утра, чтобы, проехав значительное расстояние в промёрзшем и переполненном трамвае, во-время попасть на занятия. Но отец был молод и полон сил, увлечён работой и, казалось, не знал усталости.

В мае 1926 года в жизни отца произошло счастливое событие: он женился на Берте Яковлевне Гранат, дочери младшего брата Розалии Осиповны, т.е. своей двоюродной сестре. Молодые люди были знакомы давно, ещё с могилёвских времён; встречались они и в Екатеринбурге, куда Берта Яковлевна приезжала в гости к своему дяде. В семье это был второй случай брака между двоюродными: старшая сестра отца Софья Исаковна значительно раньше вышла замуж за своего двоюродного брата Соломона Яковлевича Лурье, сына Якова Анатольевича. С.Я. Лурье, впоследствии крупнейший историк античности и одновременно выдающийся историк науки, поселился в Петрограде ещё до революции и занимал отдельную квартиру на Большом проспекте Петроградской стороны. После революции, когда начались уплотнения и квартиру эту оказалось невозможным удержать, её стали заселять многочисленные родственники, в их числе и Анатолий Исакович с Бертой Яковлевной. В этой квартире наша семья жила до 1937 года.

Какова же была обстановка в Политехническом Институте в те годы? Условия, в которых приходилось работать, а также ряд памятных событий помогает воссоздать многотиражная газета "Товарищ", впоследствии переименованная в "Индустриальный", а ещё позднее — в "Политехник". Вот несколько фрагментов:

10.12.27 На смерть А.А.Адамова

Об умершем учителе

... В тяжёлые 1919-1920 гг. , когда в Ленинграде был голод, А.А. уехал вместе с семьёй в Бологое, но это не помешало ему регулярно читать лекции и вести упражнения в нашем Институте.

Мы никогда не забудем самопожертвований, принесённых им в то время науке и студенчеству.

Для того, чтобы попасть на лекцию, ему приходилось выезжать накануне с вечерним поездом, пройти пешком ночью с вокзала до Института (очевидно, не с Финляндского вокзала, а с Московского. — Авт.) и в 2-3 часа ночи устроиться где-то на ночлег.

Первое время А.А. устраивался в III общежитии на плите. Позже группа студентов-водников предложила ему маленькую, но тёплую комнатку у себя в общежитии, где он и останавливался в течение полутора лет.

Водники приняли на себя и заботы об удобствах, какие только могли ему предоставить: получали "паёк", достали лампу, по возможности отапливали комнату и т.д. Несмотря на все трудности, А.А. ни разу не пропустил своих занятий, на которых также показывал пример самоотвержения...

6.02.30 На Ректорском Совете

... Методы преподавания должны быть изменены. Лекции свести к минимуму, заменив группово-семинарской проработкой. Особенно отмечено отсутствие заинтересованности промышленности в выработке типа специалиста ...

Советание чрезвычайно активно подвергло обсуждению выставленные вопросы и особо отметило настроение и отношение профессорско-преподавательского состава к выработке и проработке новых учебных планов и программ, а так-

же и составление таких планов и программ, которые ничем не отличаются от старых.

... Является необязательным при зачислении в аспирантуру представление печатных научных работ...

13.03.30

Во 2-й день декады 14.03.1930 в Большой физической аудитории состоится продолжение собрания по вопросу "О природе электрического тока". Докладчики: 1) проф. Я.И.Френкель; 2) акад. В.Ф.Миткевич. Председатель собрания проф. М.А.Шателен.

Отец вспоминал впоследствии о разгоревшейся на этом собрании дискуссии между Я.И. и В.Ф. по вопросу о реальности существования магнитных силовых линий. Когда Я.И. сравнил эти линии с меридианами и параллелями на земном шаре, растерявшийся и перепуганный В.Ф. объявил: "Мой меридиан — красный..."

"Надо же придумать такую пошлость", — говорил отец об этом эпизоде.

Темой самостоятельной аспирантской работы отца была гидродинамика вязкой жидкости. Уравнения Навье-Стокса, описывающие движение такой жидкости, как известно, нелинейны и не поддаются интегрированию, которое возможно после некоторых упрощений, приводящих уравнения к линейным. Эти упрощения наступают при малых значениях числа Рейнольдса, т.е. при большой вязкости жидкости. Сделав их, отец применил к полученным линейным уравнениям преобразование Лапласа; задача о движении шара под действием силы, зависящей от времени, свелась после этого к интегральному уравнению, которое удалось решить опять-таки с помощью преобразования Лапласа. Особенный интерес представлял предельный случай очень больших значений времени. Оказалось, что устанавливается та скорость, которая была бы при обычном "стационарном" законе сопротивления Стокса. Этот физически ясный вывод далеко не был, однако, ясен математически. Аналогичное исследование было проведено для случая вращения шара. В работе была дана формула для момента сопротивления, причём для её вывода оказалось возможным вообще обойтись без решения соответствующего интегрального уравнения.

Применяя сходную методику к задаче о нестационарном движении бесконечного цилиндра, отец имел перед собой весьма дурное предзнаменование в виде парадокса Стокса (отсутствие стационарного решения задачи). В полученной им формуле для сопротивления бесконечного цилиндра при его нестационарном движении отец делает предельный переход, соответствующий стабилизации скорости, и получает аналог формулы Стокса. Этот результат представляется парадоксальным, т.к. не может быть получен непосредственно из уравнений, описывающих установившееся движение. Однако, независимо от отца, он был получен в это же время Л.Г. Лойцянским, основывавшимся на совсем других соображениях, развивавшихся им в рамках приближённой теории сопротивления тел.

Остальная часть работы была посвящена решению задач о движении тел в вязкой жидкости в более точной постановке, предложенной Осеевом. И здесь для тел эллипсоидальной формы, а также для эллиптического цилиндра отец даёт решение основных задач о движении в вязкой жидкости, причём делает это с применением только что появившейся (в 1927 году) шредингеровской теории возмущений.

Эта "квалификационная работа аспиранта", как называли тогда диссер-

тации, была защищена отцом 28 февраля 1930 г. Оппонентами выступали А.А. Саткевич, В.А. Фок и Л.Г. Лойцянский; отзыв последнего оканчивался фразой: "... А.И. Лурье выходит в новый период своей научной деятельности вполне зрелым и законченным учёным, у которого впереди многое".

Ещё до защиты диссертации отец встретился на заседании Ленинградского Механического Общества с проф. Бюргерсом — известным голландским механиком, работавшим в Дельфте и посетившим в 1929 году СССР. Узнав об интересах молодого учёного, проф. Бюргерс обратил его внимание на работы по обтеканию тел, выполненные в Швеции (Упсала) проф. Цейлоном, Факсеном и др.; работы самого Осеена, также жившего в Швеции, отец, разумеется, знал достаточно хорошо. Проф. Бюргерс рекомендовал отцу поехать в Швецию, чтобы познакомиться на месте с этими исследованиями, а также пригласил его к себе в Дельфт, где многое делалось в направлении разработки экспериментальной техники по измерению поля скоростей (тепловая анемометрия). Он обратился с соответствующим письмом в комиссию по подготовке научных работников при ГУС¹¹. В Наркомпрос было направлено обращение факультета, поддержавшего ходатайство отца о предоставлении ему командировки сроком на 1 год в Голландию и Швецию. По-видимому, Наркомпрос отказал, либо вообще не ответил; в Швецию отец так никогда и не попал, а в Голландии оказался лишь тридцать с лишним лет спустя, проведя несколько часов в Амстердаме без копейки денег в ожидании самолёта под проливным дождём.

Здесь достигаются хронологические рамки, которыми ограничен этот рассказ. Но прежде чем закончить, не могу не вспомнить об эпизоде, относящемся совсем к другому времени, именно, произошедшем спустя несколько дней после кончины Анатолия Исаковича. Никакое дело в России не делается без бумажки, а для того, чтобы организовать похороны на Комаровском кладбище, потребовалась не бумажка, а бумага, которую должен был подписать председатель Сестрорецкого исполкома. В назначенный день мы с Евгением Петровичем Гильбо явились к нему на приём. Председателя звали... не важно как, хотя отчество было подходящее — Ильич. Он долго разглядывал бумагу и, прежде чем подписать, заявил: "Запомните, никто из родственников не будет там похоронен". В первый момент я был поражён таким откровением, но делать было нечего, пришлось запомнить. Ведь это похороны по первому разряду. Его бы устами да мёд пить... Наконец, председатель взял ручку и медленно вывел поперёк левого верхнего угла: "Разрешаю в виде исключения" ("в виде" было, конечно, написано вместе). Можно себе представить, учитывая момент, мою реакцию... Если это — исключение, то в чём состоит правило? Наивный вопрос... Но, выходя из приёмной, я подумал: а ведь он прав... Ильич прав! Примечательно, что этот человек, сам того не подозревая, в трёх (нет, в двух!) словах подвёл итог жизни отца! И в самом деле, его жизнь, как и жизнь многих из этого поколения, разве не была построена на исключениях? Разве не исключение, что семья уцелела в могилёвском погроме, что отец остался жив, несмотря на гражданскую войну, когда люди погибали ни за грош? Разве не исключение, что он не попал в жернова чисток, сначала "по социальному происхождению", а потом просто так, по разнарядке, в 37–38 годах? Разве не исключение, что в одну прекрасную ночь в 37 году, когда раздался

¹¹ Государственный Учёный Совет. — Авт.

звонок в дверь и отец пошёл открывать, он увидел перед собой не "гостей дорогих", а пьяного дворника, притулившегося к дверной кнопке? Разве не исключение, что Изабелла Исаковна приехала в Могилёв 19 июня, а 25-го буквально силой вывезла оттуда стариков-родителей? Разве не исключение, что отец был вывезен Галёркиным из Ленинграда в конце августа, а через два часа после того, как поезд прошёл Мгу, эту станцию заняли немецкие диверсанты? Разве не исключение, что корифей наук не добрался до математики и механики, хотя почти добрался до физики, и кто знает, скольких лет жизни это стоило Якову Ильичу? А говорили, что "Алгебра" Киселёва уже была на примете ... Разве не исключение, что А.И. на удивление всем был избран в члены-корреспонденты Академии Наук? Наконец, разве не "ввиде исключения" он похоронен на Комаровском кладбище?

Но есть ещё одно, самое большое исключение. Оно состоит в том, что, несмотря на всё, отец сделал, что мог, сделал то, что он сделал. Если бы не это исключение, мы не имели бы книг, которые он оставил, мы не имели бы прекрасного коллектива, который он создал (опять-таки "ввиде исключения"!) и которым гордился больше, чем любым другим своим достижением. Когда думаешь об этом с 20-летней временной дистанции, становится ясно, что он черпал силы в науке, в этой вечной ценности, ради которой он жил, в общении со студентами, коллегами и друзьями, которых он любил, а всё остальное считал, как и его учитель А.А.Фридман, сплошной потерей времени.